

Новая книга о том, как в середине XVII в. Московское царство сделалось самодержавием*

Viktor Maul

(Tyumen Industrial University, Russia)

The new book on how in the middle of the 17th century the Moscow kingdom became autocracy

DOI: 10.31857/S086956870010793-3

Представления о природе власти и её носителях признаны одним из ключевых идентификаторов культуры того или иного народа. Тем более это характерно для отечественной истории с гипертрофированной ролью государства во всех без исключения сферах общественной жизни. К изучению такой неизменно актуальной проблематики неоднократно в своих трудах обращался Д.А. Ляпин, чья новая монография стала логическим продолжением предыдущих публикаций. Как минимум со времён карамзинского «Самодержавие есть палладиум России» эта тема постоянно присутствовала на страницах исторических сочинений¹. Не остались в стороне и современные историки, приложившие изрядные усилия, пытаясь разгадать загадку обаяния власти, раскрыть, несмотря на бремя власти, секреты её искушения, в том числе на российской почве. Заметный вклад в копилку знаний вносит рецензируемая книга. После концептуальных построений В.Е. Вальденберга, А.Н. Медушевского, Р. Пайпса, В.И. Саввы, Р. Уортмана и других научных авторитетов, казалось, сложно найти принципиально иные формы осмысления данного многоликого феномена. Тем не менее Ляпин сумел взглянуть на него под нетривиальным углом зрения.

Московское самодержавие, модель которого многие учёные считают уникальной и не имеющей себе аналогов, возникло не в одночасье, а в результате долгой и сложной эволюции. Его образ зримо воплощался в разных способах репрезентации и сакрализации. Учитывая, по верному замечанию Ляпина, «закрытый характер высшей власти в допетровской Руси» (с. 8), она постепенно приручала население с помощью визуальных, вербальных и иных коммуникативных практик. Со временем они выглядели всё более устойчивыми, привычными, эксплуатировали хранящийся в культурной памяти монархический архетип и воспринимались как онтологическая сущность царской власти вообще. В центре умозрительной мировоззренческой композиции размещалась фигура самого царя — помазанника Божия, наделённого неограниченными полномочиями для утверждения социальной Правды на земле и ответственностью за свои дела исключительно перед Всевышним.

В семиотической череде названных социокультурных трансформаций XVII в. занимал особо значимое место. Поскольку с закатом Московского царства читателей познакомила интересная монография П.В. Седова², цель и хронологию своего обобщающего исследования Ляпин определил

* Ляпин Д.А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 336 с.

предельно чётко: показать особенно-сти социально-политической борьбы в России в середине XVII в., а для этого — понять её причины и следствия. На протяжении всей книги автор весомыми аргументами подтверждает известные и приводит новые доводы в пользу тезиса об укреплении московского самодержавия в указанные сроки. В изображении историка оно происходит в результате ожесточённого противоборства двух атактизмов Смутного времени — «аристократической» и «народной» тенденций общественно-политической жизни страны. Одна из них «была связана с влиянием на царя близких к его трону аристократических родов» и выражала идею «ограничения царской власти». Другая заключалась в религиозно окрашенной уверенности социальных низов, что «ради спасения “Святой Руси” “мир” имеет право вмешиваться в государственные дела». В царствование первого Романова обе тенденции уравнивались, «несмотря на то что были противоположны по своей сути». Но политический кризис 1645 г. и его итоги «изменили это равновесие», политическая борьба аристократии за власть и влияние вызвала народное возмущение. «В бунтах середины XVII в. две отмеченные нами тенденции..., — пишет автор, — столкнулись между собой». Именно тогда, в июне 1648 г., отчётливо прозвучал громкий призыв восставших к монарху «взять “царский меч” для “вершения” справедливого суда», отразивший, по мнению Ляпина, развитие «самодержавных тенденций» (с. 5, 7—9).

В результате проделанной работы историку удалось найти неизвестные факты и высказать ценные суждения, требующие внимательного отношения. Исходные гносеологические установки определили композиционное построение монографии. Она

состоит из предисловия, десяти глав, послесловия, справочной хронологии событий и размещённых в приложениях документов. Обстоятельный историографический очерк (с. 11—35) заложил прочный фундамент для изучения важнейших этапов и событий социально-политической борьбы, а также побудительных мотивов главных действующих лиц не только из числа придворной элиты или приказной бюрократии, но и вожakov народных выступлений в разных городах Московского государства.

Не имея возможности объять необъятное, остановлюсь на трёх моментах, показавшихся наиболее значимыми в авторских построениях и предпочтениях: 1) политическая борьба при царском дворе; 2) социально-политическая борьба в Москве и провинции; 3) теоретическое осмысление ключевых смысловых конструкций темы.

Верно полагая, что суть изучаемых событий можно понять только с учётом их предыстории, автор вначале напомнил общую картину хозяйственного разорения страны после Смуты и политических перипетий 1634—1645 гг., когда вслед за смертью патриарха Филарета «у руля власти вместе с царём остались те же представители нескольких аристократических родов». На основе источниковедческого и историографического анализа исследователь обоснованно маркирует данный период как «соправление» государя и титулованной знати, в то время как «единоличная царская власть в эти годы декларировалась только на бумаге» (с. 39—40).

Ситуация, считает он, стала меняться в конце царствования Михаила Фёдоровича. В придворных кругах развернулась малоизученная в литературе борьба за власть, участники которой не скупались на изощрённые интриги и заговоры. Их недостаточ-

ная научная разработанность открыла перед исследователем возможности для самостоятельных интерпретаций, чем он умело воспользовался. При этом он невольно совершил распроставленную в историографии ошибку, приняв династические страхи за объективную реальность. Напуганным Смутой Романовым действительно в каждом непригожем выкрике голи кабацкой ещё долго мог мерещиться грозный призрак нового самозванчества. Мистический ореол загадочного явления, похоже, заморозил и автора рецензируемой монографии, побудив к бездоказательной тираде о появлении в последние годы жизни Михаила большого числа «самозванцев, выдающих себя за наследников московского престола» (с. 53). Однако не за последние годы, а за весь срок царствования таковых известно только двое — «Султан Ахия» (1625) и «московский царевич Иван Дмитриевич» (1641). Оба не были русскими подданными и не имели отношения к кремлёвским страстям³.

На взгляд Ляпина, генеральное сражение, изменившее расстановку сил у трона, разгорелось вокруг планов бракосочетания царевны Ирины и датского «королевича» Вальдемара. Поддерживая идею брака, «старая аристократия» в лице Н.И. Романова, кн. Я.К. Черкасского, Ф.И. Шереметева и их союзников якобы вынашивала замыслы возведения заморского принца на московский престол. Развязку конфликта ускорила внезапная кончина государя и его супруги, после чего яростная подковёрная схватка быстро закончилась дворцовым переворотом и поражением сторонников ограничения царской власти. Всё это дало автору право заявить, что последовавшая процедура приведения подданных к присяге на верность Алексею Михайловичу без каких-либо ограничительных обязательств с

его стороны и затем коронация юного царя засвидетельствовали, что «Россия твёрдо следует курсу укрепления самодержавной власти» (с. 60).

Между тем сформировавший и возглавивший новое правительство боярин Б.И. Морозов приобрёл такое сильное влияние на коронованного родственника, о каком бывшие царедворцы могли лишь мечтать. Ляпин подтверждает, что царю, доверившему государственное «управление своему воспитателю», только и оставалось проявлять «искреннюю набожность» в компании «ревнителей благочестия» (с. 65). Видимо, распространяемые в народе типовые слухи, будто «государь де молодой глуп, а глядит де все изо рта у бояр у Бориса Ивановича Морозова да у Ильи Даниловича Милославского», появлялись не без серьёзных на то оснований⁴.

Однако опыт истории учит, что полагаться на постоянство капризной фортуны — дело безнадёжное, за каждым стремительным взлётом зачастую следует сокрушительное и болезненное падение. Судьба новоиспечённого царского фаворита стала наглядным подтверждением прагматичной мудрости столетий. Неизбежность проведения непопулярных в стране преобразований, в том числе в сфере налогообложения, скоро дискредитировала легитимность «партии власти». Поэтому в нескольких следующих главах книги доказывается каузальная связь между политикой морозовского правительства, реваншистскими настроями «старой аристократии» и вереницей народных восстаний 1648—1650 гг. в провинции, начало которым положил так называемый Соляной бунт в столице. При этом Ляпин отмечает амбивалентность итогов осуществлённых перемен. С одной стороны, они позволили «полнить казну и провести важные военные и финансовые реформы, а так-

же принять реальные меры по защите южных рубежей, колонизации Сибири и Поволжья». С другой — вызвали обнищание людей, бюрократизацию, волокиту, мздоимство и казнокрадство (с. 72—73). Знаменитая макиавеллевская дилемма цели и средств так и осталась нерешённой на страницах монографии. Зато отношение большинства современников закономерно выразилось в резком отрицании содержания и последствий реформ. По меткому выражению И.Л. Андреева, «население буквально взвыло»⁵.

В массовом негодовании Н.И. Романов, кн. Я.К. Черкасский и их сторонники усмотрели реальный (возможно, последний) шанс на реванш, подогревая без того раскалённую атмосферу апокалиптических страхов слухами и толками, направленными против могущественного временщика. Хотя эти провокативные слухи падали на благодатную почву, роль отставных вельмож в дальнейших событиях, как кажется, немного преувеличивается. Возможно, в локальном пространстве кремлёвских хитросплетений их затейливые комбинации и вызвали «бурю в стакане», но в макроисторическом масштабе русских бунтов оказались каплей в море. Безусловно прав автор, заметивший, что к этому времени в народном сознании «формировался единый образ бояр, стремящихся захватить власть и отстранить царя». Жертвой невыгодного для него стечения обстоятельств стал всесильный Б.И. Морозов, превратившийся в ненавидимый символ человеческих страданий и «царской неволи», для освобождения из которой богоизбранный венценосец нуждался в поддержке всего мира. Идея исконного единства «всяких чинов людей и всего простого народа» с царём красной нитью проходит через подробное описание известных событий «Московского мятежа 2—3 июня 1648 г.» (с. 76, 77—87).

Однако в данном случае ценность авторского нарратива заключена не в изобилии новых фактов, которых сложно было ожидать при эвристической исчерпанности имеющейся базы данных, дело в другом. Современный познавательный «инструментарий» позволил Ляпину скорректировать или пересмотреть устаревшие историографические стереотипы о социальном составе, «классовой направленности», но главное, о смысловом наполнении взглядов бунтовщиков. Выводы о них опираются на скрупулёзное исследование текста «Челобитной “мира” московского», попутно уточняется время её создания. Прежде автор ещё разделял имевшееся в науке заблуждение, будто документ появился на свет 2 июня, в самый разгар протестных эксцессов. В «Царском мече» он уверенно констатировал иное: «Единственно верной датировкой следует считать 10 июня 1648 г.», когда сумятица в столице несколько улеглась и протестующие рассчитывали на конструктивный диалог с государем. Согласно наблюдению Ляпина, челобитная отрефлексировала не только нужды и чаяния, но и целостные представления близких к мятежникам кругов «о царской власти и государственном устройстве». Поскольку в политическом дискурсе традиционной культуры «царь» и «государство» — синонимичные понятия, их тождество акцентировало общественную востребованность самодержавного вектора развития страны. Не случайно, «сам Бог вручает государям царский меч» для «наказания злодеев, в похвалу добродеев». Далее автор путём текстологического сравнения раскрывает генеалогию полисемантической метафоры, использованной в названии монографии. Он выдвигает приемлемую гипотезу о возможности её заимствования из первого послания Ивана Грозного кн. А.М. Курбскому, тем более что их «Переписка»

«была широко известна в XVII в.». И уже в другом месте мотивирует выбор книжного заглавия расшифровкой сакральной символики «царского меча» как атрибута «справедливого наказания за грехи», орудия «возмездия» и семиотического воплощения «верховой, божественной власти» земного царя. Надо признать, автору удалось показать, как скрытые символические значения постепенно раскрывались в практической деятельности Алексея Михайловича и его ближайшего окружения (с. 87, 88, 93—94, 100, 248—249).

Компаративный анализ двух сохранившихся вариантов челобитной, а чуть позже рассказа о багряной ризе Б.И. Морозова, учитывающий творческое переосмысление их составителями библейских, богослужебных и литературных протографов, — безусловное украшение рецензируемой книги. Не менее сильной стороной исследования надо признать сюжеты о мятежах в провинции, значительная часть которых вспыхнула в южнорусских городах и крепостях с преобладанием в них служилого, а не торгово-ремесленного населения. Однако, полагает автор, не стоит преувеличивать степень политической ангажированности и опасности каждого из таких выступлений. Лишь в Воронеже, Козлове, Курске, Сокольске, Соли Вычегодской, Устюге Великом и Челнавском остроге (июнь—август 1648 г.) они были «напрямую связаны с мятежом в Москве». Здесь слухи о расправах со столичными предателями «общих интересов “мира” и царя» стали детонаторами стремления закончить богоугодное дело ликвидацией оставшихся «мирских кровопивцев». Но в большинстве случаев это были обычные «конфликты местного уровня», «имевшие значение только для конкретного региона», всё бунтарство коих состояло в оживлённых пересудах обывателей по поводу последних новостей и в

критике никчёмности своего воеводы. Таким образом, пишет историк, нарисованная советской историографией «картина бушующего “моря народного гнева”» в середине XVII в. «не соответствует действительности» (с. 109, 126, 138, 139).

Преимущественно на основе открытых им самим архивных источников рассматривая народные движения в провинции, Ляпин считает их «фоном для нового этапа политической борьбы в Кремле», где для непримиримых оппонентов наступал момент истины (с. 139). Алексею Михайловичу едва ли не впервые пришлось самостоятельно проявлять настоящую царскую волю. Недовольный возросшим влиянием «старой аристократии», он прилагал небезуспешные усилия по возвращению из ссылки Б.И. Морозова, отправленного туда по требованию московских мятежников. В конце концов, пишет автор, «задуманный царём» политический переворот состоялся. Кн. Я.К. Черкасский «был лишён всех постов и отстранён от дел», Н.И. Романов ушёл в отставку, а «дядька» царя вновь «оказался у руля власти» (с. 144). Ещё раз замечу, что не готов принять взгляд на народный протест лишь как «фон» якобы судьбоносного для тогдашней России противостояния придворных «партий», члены которых в своих интересах манипулировали простолюдными словно марионетками. Он априорно исходит из характерного и поныне неверного убеждения, что большая политика может вершиться только в кремлёвских коридорах. Об ошибочности подобного упрощения неоднократно свидетельствовали уроки истории, показавшие, что бунты могут быть самодостаточной исторической ценностью. Так, английские инсургенты в том же XVII столетии продемонстрировали, как иной раз обитатели трущоб могут заполнить королевские чертоги и оттуда во весь

голос заявить о своих правах. Нечто подобное в 1644 г. в пекинских императорских покоях не без успеха вытворяли бойцы Ли Цзычэна — легендарного предводителя великой крестьянской войны в Китае. Следствием их действий стало падение правившей династии Мин. Можно вспомнить другие яркие примеры торжества «хижин» над «дворцами».

Но пусть даже так, как определил Ляпин, ведь куда важнее, что сами участники городских восстаний не подозревали, что были просто пешками в игре чужих амбиций и выражали собственную позицию с императивной настойчивостью традиционного миропонимания — Правда на стороне народа, а где она, там и царь. Подобная непреклонная убежденность легитимировала в их глазах любые насильственные акции бунтовщиков, будь то ритуальная казнь «заевшего мир» отставного стрельца Т. Чубулова, коллективная расправа со сборщиком податей подьячим А. Михайловым или стрелецким головой К. Теглевым, отказ подчиняться и даже отстранение от власти местной администрации. Казалось абсолютно естественным, что виновники людских бед — алчные бояре-изменники, поэтому «следует помочь своему монарху “взять царский меч” для справедливого суда над злодеями». Значит, борясь против них, восставшие действуют «с одобрения царя или даже по его указу» (с. 130). По такому поводу О.Г. Усенко правильно заметил: «Желание почитаться с угнетателями созрело давно, но реализовалось только после получения известия о санкции царя»⁶.

Анализ напряженной обстановки в провинциальных городах и уездах летом 1648 г., подобно событиям в июньской Москве, позволил Ляпину увидеть в них вехи на пути к царскому самодержавию. Не имея реальной поддержки со стороны населения, оп-

позиция терпела фиаско на всех фронтах социально-политической борьбы. Невыгодный расклад сил понуждал её к ещё одной попытке отвоевать место под солнцем. Не сумев возмутить слухами какой-нибудь очередной мятеж, полем боя наметили Земский собор и кодификационную комиссию во главе с их человеком, боярином кн. Н.И. Одоевским, работавшую над проектом Соборного уложения. Историк прав, не находя в «Челобитной “мира” московского» прямых требований созыва собора и нового свода законов, но нет сомнений, что эта мысль витала в воздухе. В монографии показано, как Алексей Михайлович, поднаторевший в искусстве закулисных интриг, с помощью тонких политтехнологий превратил гипотетическую перспективу в трамплин к триумфу самодержавной идеи, вождельной для него самого и для монархически настроенных выразителей «народной» тенденции. В утверждавшейся системе политических координат своими мятежами и бунтами «от Москвы до самых окраин» они манифестировали безоговорочный приоритет неограниченной царской власти. Сознательно не углубляясь в казуистические дебри юридических норм Соборного уложения, Ляпин однозначно заключил, что оно «было составлено в угоду» победившему царю. «Проигравшая партия Н.И. Романова — Я.К. Черкасского уже ничего не могла поделать в борьбе за власть», Алексей Михайлович твёрдо взял «царский меч» в свои руки, окончательно став «полностью самостоятельным, независимым правителем» (с. 162, 164).

Как отголосок последних всплесков придворной борьбы трактуется новая волна слухов на старую тему — бояре, в первую очередь Б.И. Морозов, у царя якобы снова отняли власть. Правдоподобность слухов усугублялась более частными поводами и кон-

кретными жизненными обстоятельствами. В 1650 г. бунтами выразили своё отношение к опасности, нависшей над Святой Русью, жители Новгорода, Пскова и Усмани. Идеинный потенциал их протестных действий и лозунгов, внимательно изученный Ляпиным, позволил заметить сходство с недавними событиями в столице и провинции. Здесь они тоже сводились «к поддержке царя и стремлению отстранить от власти влиятельных аристократов». Потому владетельный государь, входя в нужды и просьбы «уездного общества», подобно 1648 г., постарался, за редким исключением, «не применять жёстких репрессивных мер против бунтовщиков» (с. 192).

В заключительных разделах книги речь идёт о формировании государственной идеологии, закрепившей победоносный исход социально-политической борьбы середины XVII в. Среди её ключевых элементов автор называет книжное обоснование сильной самодержавной власти и особой миссии России как защитницы вселенского православия от иноверцев и еретиков и в связи с этим унифицирующую обряды церковную реформу патриарха Никона. Важно, что самодержавие трактуется автором не на языке сегодняшней политологии, а в духе политического лексикона той эпохи, как царское самовластие. Кроме того, в деталях анализируется предпринятая Алексеем Михайловичем апология деяний Ивана Грозного, в том числе перекладывание с него на «коварное окружение» вины за убийство митрополита Филиппа Колычёва, чьи мощи в 1652 г. торжественно перенесли с Соловков в Москву. И, наконец, указывается на «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства», анонимный автор которой (не без подсказок самодержца) в нужном русле отредактировал историю, нарисовав

актуальный образ «нового прошлого». Соглашусь с оценкой Ляпина, что таким образом историческая память «подстраивалась» под развивающуюся идеологию самодержавного государства, где Алексей Михайлович представлял способным «навести порядок (“тишину”) в своём царстве, заботился о православии, победоносно воевал за интересы России» (с. 244). Это означало, что и под пером московских книжников, и на практике сакрализация самодержавной власти тесно переплелась со священным характером православного царства. При желании автор мог бы усилить акценты указанием на идеологическую роль торжественных церемониальных мероприятий, в которых «власть не просто выражала себя. Она в них воплощалась». Но осознавая их значение (с. 249), исследователь всё-таки воздержался от специального экскурса в столь специфическую область⁷.

Несколько слов об интересных, но не бесспорных теоретических построениях автора по поводу форм, характера и типологии народных движений. Критические стрелы он направляет в адрес Соляного бунта как названия, искажающего реальные причины события. Здесь Ляпин, конечно, прав, да и сами мятежники не считали за таковые отменённый налог на соль. Недоумение вызывает другое — принципиальное желание отказаться от понятия «городские восстания», появление и смысл которого он связывает только с «идеологическим влиянием на историческую науку» и «политизированным классовым подходом к истории». Аргументы, приведённые в монографии, в этом не убеждают, предлагаемые дефиниции «восстания» легко могут быть оспорены. Неудачна и аналогия с концепцией «крестьянских войн в России», которая была тщательно отшлифована марксистской историографией⁸. Несколько

могу судить, ничего подобного никогда не предпринималось в отношении городских восстаний. В конце концов, нет никаких противопоказаний, чтобы именовать их на старинный лад «мятежами» или «бунтами», как предлагает автор. Так, кстати, неоднократно поступали дореволюционные и советские историки, могут и нынешние. В принципе, нет возражений и против классификации основных форм протеста на разбойные выступления и бунты «именем царя», что теоретически вполне допустимо. Однако в рамках реализации поставленной цели более важным является не различие, а сходство, о чём автор пишет на последних страницах книги. Вне зависимости от формы, которую принимал в середине XVII в. народный протест, его участники неизменно выступали на стороне царя и против бояр. Даже в тех случаях, когда включали механизм культурной инверсии. Последний тезис, впрочем, нуждается в дополнительном обосновании (с. 195, 196, 198, 211, 247).

Без каких-либо оговорок монография с символическим названием «Царский меч» — это увлекательное повествование и одновременно содержательное исследование важного исторического процесса, в результате которого в середине XVII в. Московское царство сделалось самодержавием. Каждая страница насыщена неожиданными сюжетами, раскрывающими смысл авторских интенций, и интересными фактами, доказываю-

щими выводы. Книга, несомненно, заслуживает, чтобы её прочитали. А отдельные недостатки, как известно, — продолжение достоинств. Поэтому настоятельно рекомендую монографию Д.А. Ляпина всем любителям родной истории.

Примечания

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 105.

² Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006; см. также дискуссию об этой книге: Российская история. 2008. № 1. С. 173—191.

³ Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России XVII века: новые факты и общая картина // Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и Раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X—XVIII столетия). Тезисы докладов и сообщений международной конференции. М., 2005. С. 224.

⁴ Городские восстания в Московском государстве XVII в. Сборник документов. М.; Л., 1936. С. 87.

⁵ Андреев И.Л. Страсти по д'Артаньяну // Знание—Сила. 1991. № 8. С. 81.

⁶ Усенко О.Г. Повод в народных выступлениях XVII — первой половины XIX века в России // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1992. № 1. С. 46.

⁷ Андреев И.Л. Образ шествующей власти. Первые Романовы в церковных и придворных церемониях // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время. М., 2008. С. 254, 259.

⁸ Мавродин В.В. Советская историческая наука о крестьянских войнах в России // Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.; Л., 1966. С. 292—327.